

Джозеф Хеллер

Уловка-22 (фрагмент)

1. Техасец

Йоссариан лежал в госпитале с болями в печени. Подозрение падало на желтуху. Однако для настоящей желтухи чего-то не хватало, и это ставило врачей в тупик.

Будь это желтуха, они могли бы начать лечение. Но болезни не хватало самой малости, чтобы стать настоящей полноценной желтухой, и это все время смущало врачей. Выписать же Йоссариана из госпиталя они не решались.

Каждое утро они делали обход — трое серьезных энергичных мужчин. Твердо сжатые губы выражали уверенность, которой явно не доставало их глазам. Врачей сопровождала такая же серьезная и энергичная сестра Даккит, как и другие палатные сестры, недолюбливавшая Йоссариана. Доктора просматривали висящий на спинке кровати температурный лист и нетерпеливо расспрашивали Йоссариана о болях в печени. Казалось, их раздражало, что изо дня в день он отвечал одно и то же.

— И по-прежнему не было стула? — допытывался медицинский полковник.

Каждый раз, когда больной отрицательно качал головой, врачи переглядывались.

— Дайте ему еще одну таблетку.

Сестра Даккит записывала, что Йоссариану нужно дать еще одну таблетку, и все четверо переходили к следующей койке.

Медсестры недолюбливали Йоссариана. На самом деле боли в печени давно прошли, но Йоссариан скрывал это от врачей, и они ни о чем не догадывались. Они лишь подозревали, что он тайком бегаёт в уборную.

В госпитале у Йоссариана было все, что душе угодно. Кормили недурно, к тому же еду подавали прямо в постель. В дневной рацион входила дополнительная порция превосходного мяса, а в полдень, в самую жару, ему, как и другим, приносили охлажденный фруктовый сок или шоколадный напиток. Если не считать врачей и сестер, его никто не беспокоил. Правда, по утрам

часок-другой ему приходилось выполнять обязанности почтового цензора, зато все остальное время он был предоставлен самому себе и валялся до самого вечера, нисколько не мучась угрызениями совести. Жизнь в госпитале была удобна и приятна. Ему не стоило большого труда оставаться здесь и дальше, потому что температура у него держалась всегда одна и та же — тридцать восемь и три десятых. Ему было намного лучше, чем, скажем, Данбэру, которому, чтобы заставить сестер приносить обед в постель, приходилось то и дело грохаться на пол и расквашивать себе физиономию. Решив потянуть так время до конца войны, Йоссариан написал всем знакомым, что находится в госпитале, не уточняя, однако, почему именно. А потом ему пришла в голову еще более удачная мысль. Он оповестил всех знакомых, что его посылают на особо опасное задание. «Требовались добровольцы. Дело рискованное, но кому-то ведь надо идти и на рискованные дела. Как только вернусь — черкану». И с тех пор никому не написал ни строчки. Всех офицеров из палаты Йоссариана заставляли цензуровать письма больных из рядового и сержантского состава, которые лежали в отведенных для нижних чинов палатах. Это было нудное занятие, и Йоссариан, читая письма, с разочарованием убедился, что жизнь рядовых и сержантов лишь немногим интереснее жизни офицеров. Уже на второй день он утратил всякий интерес к солдатским письмам, но, чтобы работа не казалась слишком скучной, он изобретал для себя всякие забавы.

«Смерть определениям!» — объявил он однажды и начал вычеркивать из каждого письма, проходившего через его руки, все наречия и прилагательные. Назавтра Йоссариан объявил войну артиклям. Но особую изобретательность он проявил на следующий день, вымарав в письмах все, кроме определенных и неопределенных артиклей. С его точки зрения, стиль после такой операции становился более энергичным и письма обретали более широкий смысл. Вскоре он начал сражаться с обращениями и подписями, а текст письма оставлял нетронутым. Однажды он вымарал все, кроме обращения «Дорогая Мари», а внизу приписал: «Тоскую по тебе ужасно! А.Т.Тэппман, капеллан армии

Соединенных Штатов». А.Т.Тэппман был капелланом их авиаполка.

Когда фантазия Йоссариана истощилась, все возможности поиздеваться над письмами были исчерпаны, он начал атаковать фамилии и адреса на конвертах. Он отправлял в небытие дома и улицы и, словно господь бог, небрежным мановением руки стирал с лица земли целые столицы.

Инструкция требовала, чтобы на каждом проверенном письме значилась фамилия цензора. Большинство писем Йоссариан не читал вообще и спокойно подписывал их своей фамилией. А на тех, которые читал, выводил: «Вашингтон Ирвинг». Когда ему и это надоело, он стал подписываться: «Ирвинг Вашингтон».

Его цензорские шалости на конвертах привели к серьезным последствиям. Некие высокопоставленные военные чины обеспокоенно наморщили лбы и решили послать в госпиталь сотрудника контрразведки. Под видом больного он вскоре появился в палате Йоссариана. Но очень скоро здесь все раскусили, что перед ними контрразведчик, потому что он без конца выпрашивал, об офицере по имени не то Ирвинг Вашингтон, не то Вашингтон Ирвинг, а также потому, что уже на второй день он позволил себе бросить проверку почты, сочтя это занятие слишком утомительным.

На сей раз Йоссариан лежал в отличной палате, пожалуй, лучшей из всех, в которых ему с Данбэром приходилось когда-либо вкушать блаженство. Рядом лежал двадцатичетырехлетний капитан истребительной авиации — молодой человек с жиденькими золотистыми усиками. Он был сбит над Адриатическим морем зимой, в самые холода, — и даже не простудился. А теперь, когда на дворе стояла жара, и никто не сбивал его над холодным морем, капитан утверждал, что болен гриппом. Справа от Йоссариана, томно распластавшись на животе, лежал уоррэнт-офицер,¹ напуганный единственным комариным укусом в зад и микробами малярии в крови. Напротив, через проход между койками, лежал Данбэр, а рядом с ним — артиллерийский капитан,

¹ *Уоррэнт-офицер* — в американской армии звание, промежуточное между сержантским и офицерским.

с которым Йоссариан до недавнего времени часто играл в шахматы. Артиллерист был прекрасным шахматистом и разыгрывал интересные комбинации, до того интересные, что Йоссариану надоело постоянно чувствовать себя идиотом, и он бросил играть.

Самой заметной фигурой в палате был шибко образованный техасец, похожий на героя цветного боевика. Он мыслил как патриот и утверждал, что состоятельные люди — публика приличная и поэтому должны иметь больше голосов на выборах, чем разные бродяги, проститутки, преступники, дегенераты, безбожники и всякая прочая неприличная публика, не имеющая ломаного гроша за душой.

Когда в палату внесли техасца, Йоссариан был занят тем, что вымарывал из писем рифмующиеся слова. Это был обычный жаркий и безмятежный день. Зной тяжело давил на крыши домов. Стояла тишина. Данбэр, как всегда, лежал на спине, уставившись в потолок неподвижным взглядом куклы. Он изо всех сил старался продлить свою жизнь, считая, что скука — лучшее средство для достижения этой цели. Данбэр так усердно скучал, что Йоссариан подумал: «Уж, часом, не отдал ли он богу душу?»

Техасца уложили на кровать посередине палаты, и он сразу же приступил к обнародованию своих взглядов.

Послушав его, Данбэр подскочил, словно подброшенный пружиной.

— Ага! — возбужденно заорал он. — Я все время чувствовал, что нам чего-то не хватает. Теперь я знаю чего. — И, стукнув кулаком по ладони, изрек: — Патриотизма! Вот чего!

— Ты прав! — громко подхватил Йоссариан. — Ты прав, ты прав, ты прав! Горячие сосиски, «Бруклин доджерс»,² мамин яблочный пирог — вот за что все сражаются. А кто сражается за приличных людей? Кто сражается за то, чтобы приличные люди имели больше голосов на выборах?.. Нет у нас патриотизма! И даже патриотизма нет!

На уоррэнт-офицера, лежавшего справа от Йоссариана, эти крики не произвели никакого впечатления.

² „Бруклин доджерс“ — название нью-йоркской бейсбольной команды.

— Дерьмо это все... — проворчал он устало и повернулся на бок, намереваясь уснуть.

Техасец оказался до того душкой, до того рубахой-парнем, что уже через три дня его никто не мог выносить. Стоило ему раскрыть рот — и у всех пробежал по спине холодок ужаса. Все удирали от него, кроме солдата в белом, у которого все равно не было пути к отступлению: солдат был упакован с головы до пят в марлю и гипс и не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Его сунули в палату ночью контрабандой. Проснувшись утром, обитатели палаты увидели на пустовавшей койке странно вздыбленные к потолку руки. Все четыре конечности поддерживались в таком состоянии неподвижными свинцовыми противовесами, темневшими над головой солдата.

Его положили рядом с техасцем, и тот, повернувшись к новому соседу, целыми днями о чем-то прочувствованно вещал ему. Солдат не отвечал, но техасца это не смущало.

Температуру мерили дважды. Рано утром и к вечеру в палату входила сестра Крэмер с банкой градусников и раздавала их, чинно шествуя сначала вдоль одного ряда коек, затем вдоль другого. Солдату в белом она всовывала градусник в отверстие в бинтах, под которыми угадывался рот.

Затем она возвращалась к первой койке, брала градусник, записывала температуру больного, шла к следующему и так снова обходила всю палату. Однажды днем, вернувшись, чтобы собрать градусники, она взглянула на градусник солдата в белом и обнаружила, что солдат мертв.

— Убийца, — спокойно произнес Данбэр. Техасец младенчески невинно посмотрел на него.

— Душегуб, — сказал Йоссариан.

— О чем вы, ребята? — не понял техасец.

— Это ты убил его, — сказал Данбэр.

— Это ты отправил его на тот свет, — сказал Йоссариан.

Техасец отпрянул:

— Вы что, ребята, спятили? Я и пальцем его не тронул.

— Это ты его замучил, — твердил Данбэр,

— Я слышал, как ты его убивал, — сказал Йоссариан.

— Ты убил его потому, что он... черномазый, — сказал Данбэр.

— Вы рехнулись, ребята! — закричал техасец. — Черномазых класть сюда не разрешается. Для черномазых у них специальная палата.

— Сержант положил его тайком, — возразил Данбэр.

— Сержант — коммунист, — сказал Йоссариан.

— И ты об этом знал, — сказал Данбэр.

Только на уоррэнт-офицера, лежавшего слева от Йоссариана, все случившееся не произвело никакого впечатления. Он вообще почти никогда не разговаривал, а если когда и открывал рот, то лишь затем, чтобы излить на кого-нибудь свое раздражение.

...За день до того, как Йоссариан встретился с капелланом, в столовой взорвалась печь. Огонь перекинулся в кухню, и раскаленный воздух хлынул в соседние палаты. Даже в палате Йоссариана, расположенной довольно далеко от столовой, было слышно, как бушевало пламя и сухо потрескивали пылавшие балки. За окнами в оранжевых отблесках валили клубы дыма. Вскоре к месту пожара прибыли аварийные машины с аэродрома. Целых полчаса пожарники работали как сумасшедшие, и все без толку. Наконец они стали брать верх над огнем.

Но тут послышался хорошо знакомый монотонный гул бомбардировщиков, возвращавшихся с задания. Пожарникам пришлось свернуть шланги и поспешить на аэродром: вдруг какой-нибудь самолет разобьется при посадке и загорится. Однако самолеты приземлились благополучно. Как только сел последний, пожарники развернули свои машины и помчались обратно к госпиталю, чтобы возобновить борьбу с огнем. Когда же они приехали, пожар совсем стих. Пламя погасло само по себе, не осталось ни одной даже тлеющей головешки. Разочарованные пожарники посидели на кухне, попили тепловатого кофе и долго еще слонялись вокруг в надежде потискать медсестричек.

Капеллан появился в госпитале на следующий день после пожара в то самое время, когда Йоссариан искоренял в письмах все, что не относилось к любви. Капеллан сел на стул в проходе между койками и спросил, как он себя чувствует. Священник сидел к Йоссариану боком, так что из его знаков различия можно было

рассмотреть только капитанские полоски на воротнике рубашки. Йоссариан и понятия не имел, кто перед ним. Он решил, что это или новый доктор, или очередной псих.

— О, вполне прилично, — ответил он. — У меня побаливает печень, наверное оттого, что в последнее время я не очень-то соблюдал режим. А в общем чувствую себя сносно.

— Это хорошо, — сказал капеллан.

— Да, — согласился Йоссариан, — это хорошо.

— Я бы пришел сюда раньше, — проговорил капеллан, — но, честно говоря, немного прихворнул.

— Это очень плохо, — сказал Йоссариан.

— Просто немного простудился, — поспешно пояснил капеллан.

— А у меня повышенная температура, тридцать восемь и три, — так же поспешно добавил Йоссариан.

— Это очень плохо, — посочувствовал капеллан.

— Да, — согласился Йоссариан, — очень плохо. Капеллан нервно заерзал на стуле и, помолчав, спросил:

— Могу ли я для вас что-нибудь сделать?

— Нет, нет, — со вздохом ответил Йоссариан, — врачи делают все, что в человеческих силах.

— Я не об этом... — мягко возразил капеллан. — Я имел в виду совсем другое. Игрушки, шоколад, жевательную резинку... или... может быть, книги.

— Нет, нет, спасибо, — ответил Йоссариан. — У меня есть все, что нужно. Все, кроме здоровья.

— Это очень плохо.

— Да, — согласился Йоссариан, — очень плохо.

Капеллан опять заерзал на стуле. Он несколько раз оглянулся по сторонам, посмотрел на потолок, на пол. Затем глубоко вздохнул:

— Лейтенант Нейтли передает вам привет.

Йоссариану не понравилось, что у них оказался общий знакомый: чего доброго, это могло послужить поводом для дальнейшего разговора.

— Вы знакомы с лейтенантом Нейтли? — спросил он с ноткой сожаления.

— Да, я знаю лейтенанта Нейтли довольно близко.

— У него, кажется, того... кое-каких винтиков не хватает, а?

Капеллан смущенно улыбнулся:

— Затрудняюсь сказать. Я знаю его не настолько хорошо, чтобы судить об этом...

— Уж можете мне поверить! — сказал Йоссариан. Наступила мучительная для капеллана пауза, которую он нарушил внезапным вопросом:

— Ведь вы капитан Йоссариан?

— Нейтли не повезло с самого начала. Он из слишком приличной семьи.

— Прошу извинить меня, — робко произнес капеллан. — Возможно, произошло ужасное недоразумение. Вы ведь капитан Йоссариан?

— Да, — признался Йоссариан. — Я капитан Йоссариан.

— Из двести пятьдесят шестой эскадрильи?

— Да, из двести пятьдесят шестой боевой эскадрильи. Мне не приходилось слышать ни о каких других капитанах с такой фамилии. Насколько мне известно, я — единственный капитан Йоссариан. Но мне известно далеко не все,

— Понимаю, — печально произнес капеллан.

— Держу пари, вы собираетесь написать о нашей эскадрилье героическую поэму.

— Нет, — пробормотал капеллан, — я не собираюсь писать о вашей эскадрилье героическую поэму.

Йоссариан резко выпрямился. Только сейчас он заметил на воротнике у капеллана тонкий серебряный крестик. Он был крайне удивлен — еще ни разу в жизни ему не доводилось разговаривать с капелланами.

— Вы капеллан? — воскликнул он восторженно. — А я и не знал, что вы капеллан!

— Ну разумеется, — ответил капеллан. — Неужели вы не знали?

— Конечно же нет. Понятия не имел, что вы капеллан...

— Йоссариан замороженно смотрел на него, широко улыбаясь. — Честно говоря, я еще ни разу в жизни не видел настоящего капеллана.

Капеллан вспыхнул и принялся разглядывать свои руки. Это был человек хрупкого сложения, лет тридцати двух, с рыжеватыми волосами и робким взглядом карих глаз, с лицом узким и бледным. На щеках его розовели ямки, оставшиеся от былых прыщей. Йоссариану стало почему-то жаль капеллана.

— Не могу ли я все же что-нибудь сделать для вас? — повторил капеллан.

Йоссариан, по-прежнему ухмыляясь, покачал головой:

— Нет, вы знаете, у меня есть все, что нужно. Мне очень хорошо. Честно говоря, я даже и не болен.

— Это хорошо, — произнес капеллан и тут же пожалел о сказанном. Он прикрыл рот двумя пальцами и нервно хихикнул. Йоссариан молчал.

— Мне нужно еще навестить других больных из нашего полка, — виновато сказал священник. — Я к вам еще зайду. Может быть, даже завтра.

— Пожалуйста, заходите.

— Я приду, если вы действительно хотите, — проговорил капеллан, скромно наклонив голову. — Я заметил, что многим как-то не по себе в моем присутствии.

Йоссариан горячо запротестовал:

— А мне как раз хочется, чтобы вы зашли. Вы меня несколько не стесняете.

Капеллан весь засветился благодарностью. Затем скосил глаза на листок бумаги, который все это время прятал в руке. Шевеля губами, он сосчитал койки в палате, и взгляд его нерешительно остановился на Данбэре.

— Разрешите узнать, — прошептал он тихо, — это не лейтенант Данбэр?

— Да, — ответил Йоссариан громко, — это лейтенант Данбэр.

— Спасибо, — прошептал капеллан, — большое спасибо. Мне надо с ним поговорить. Я должен проведать в госпитале всех наших однополчан.

— И в других палатах тоже?..

— Да, и в других тоже.

— Будьте осторожны в других палатах, отец, — предупредил Йоссариан. — Там держат людей с психическими расстройствами. Там полно сумасшедших.

— Можете не называть меня отцом. Я анабаптист, — пояснил капеллан.

— Я не шучу насчет других палат, — мрачно продолжал Йоссариан. — Там вам не поможет и военная полиция. Там собраны отъявленные психопаты. Я проводил бы вас, но сам чертовски боюсь. К тому же безумие заразно. Тут во всем госпитале одни мы нормальные. Кроме нас, все идиоты. Может быть, наша палата — единственная в мире, где лежат нормальные.

Капеллан поспешил подняться. Отойдя от Йоссариана, он примирительно кивнул головой и пообещал вести себя с подобающей осторожностью.

— А теперь мне надо поговорить с лейтенантом Данбэром, — сказал он, переминаясь с ноги на ногу. — Как поживает лейтенант Данбэр?

— Хорошо, насколько это возможно в его состоянии, — заверил его Йоссариан. — Истинный принц! Один из прекраснейших, хотя и наименее преданных богу людей на свете.

— Я не об этом, — возразил капеллан, снова переходя на шепот. — Он очень болен?

— Нет, он не очень болен. Строго говоря, он вообще здоров.

— Это хорошо, — с облегчением вздохнул капеллан.

— Да, — согласился Йоссариан. — Да, это хорошо...

— Вот это капеллан! — сказал Данбэр, когда священник, поговорив с ним, ушел. — Видел ты что-нибудь подобное? Настоящий капеллан!

— Приятный человек, а? Может быть, вот таким и будут предоставлять по три голоса на выборах?..

— Кто это ему предоставит? — подозрительно переспросил Данбэр.

...За каких-нибудь десять дней техасец произвел в палате полное опустошение. Первым не выдержал артиллерийский капитан. После этого смылись все. Данбэр, Йоссариан и капитан истребительной авиации сбежали на следующее же утро. У Данбэра прекратились головокружения, у капитана истребительной авиации

очистилась носоглотка. Йоссариан сказал врачам, что боль в печени прошла. Даже уоррэнт-офицер и тот удрал. В десятидневный срок техасец вернул всех к исполнению своих служебных обязанностей, всех, за исключением сотрудника контрразведки, который заразился от капитана истребительной авиации гриппом, осложнившимся воспалением легких.

2. Клевинджер

В некотором смысле контрразведчику здорово повезло, потому что за стенами госпиталя все еще шла война и конца ей не предвиделось. Единственное, что Йоссариан мог предвидеть, — это свой собственный близкий конец. А ведь он мог бы отлеживаться в госпитале до Страшного суда, если бы только не этот патриот из Техаса с его массивной взъерошенной башкой и постоянной несокрушимой улыбкой, широкой, как поля ковбойской шляпы.

Да, за стенами госпиталя шла война, и только война, но, казалось, никто этого не замечал, кроме Йоссариана и Данбэра. А когда Йоссариан пытался напомнить людям об этом, они отшатывались от него, как от ненормального. Даже Клевинджер, который как будто бы понимал все лучше других, назвал Йоссариана сумасшедшим. Это было незадолго до того, как Йоссариан сбежал в госпиталь.

Клевинджер тогда уставился на него, багровый от ярости и негодования, и, ухватившись обеими руками за стол, гаркнул:

— Ты сумасшедший!

— Клевинджер, ну чего тебе от него надо? — устало возразил Данбэр.

— Я не шучу. Он псих, — настаивал Клевинджер.

— Они хотят меня убить, — спокойно сказал Йоссариан.

— Никто не помышляет убить именно тебя! — заорал Клевинджер.

— Хорошо, почему же тогда они в меня стреляют? — спросил Йоссариан.

— Они стреляют во всех, — ответил Клевинджер. — Они пытаются убить каждого.

— А какая разница? Значит, и меня!.. Но Клевинджер уже завелся. С помутившимся взглядом и трясущимися побелевшими

губами он привстал со стула. Всякий раз, когда Клевинджер вступал в спор, с пеной у рта отстаивая свои идеи, он задыхался, жадно хватал ртом воздух и часто моргал, стряхивая с ресниц слезы — горькие слезы человека непонятого, но убежденного в собственной правоте. У Клевинджера было много идей, которые он отстаивал с пеной у рта. Он сам был ненормальный.

— Кто это «они»? — допытывался Клевинджер. — Кто именно, по-твоему, хочет тебя убить?

— Все они.

— Кто?

— А ты как думаешь, кто?

— Понятия не имею.

— А почему же ты тогда заявляешь, что они не хотят меня убить?

— Потому что... — брызжа слюной, начал Клевинджер, но осекся и умолк с выражением полного отчаяния.

Клевинджер искренне считал себя правым, но Йоссариан — тоже, так как у него были доказательства: совершенно незнакомые люди палили в него из пушек каждый раз, когда он поднимался в воздух, чтобы сбросить на них бомбы. И это было далеко не смешно. Да и все остальное тоже. Например, он не находил ничего занятного в том, что приходилось жить как идиоту в палатке на Пьяносе, где позади тебя пузатые горы, а впереди голубая морская гладь, которая проглотит кого хочешь, так что и глазом моргнуть не успеешь, и выкинет обратно на берег денька через три, разбухшего и посиневшего, свободного от всех земных забот.

Палатка, в которой он жил, стояла на опушке реденького леса, отделявшего эскадрилью Йоссариана от эскадрильи Данбэра. Тут же рядом, в выемке заброшенной железной дороги проходил трубопровод, по которому авиационное горючее поступало к бензоправщикам на летное поле.

Благодаря Орру, соседу Йоссариана по палатке, их жилище было самым роскошным в эскадрилье. Каждый раз, когда Йоссариан возвращался после очередной отлежки в госпитале или из Рима, где бывал в увольнении, его приятно поражали новые удобства, созданные Орром в его отсутствие: то водопровод, то печка, то цементированный пол.

Место для палатки выбрал Йоссариан, а ставили они ее вдвоем с Орром. Опп, вечно посмеивающийся пигмей с пилотскими нашивками и густой каштановой шевелюрой с пробором посередине, давал идеи и советы, а Йоссариан, который был выше ростом, сильнее, шире в плечах и подвижней, претворял эти идеи и советы в жизнь. Так они вдвоем здесь и жили, хотя палатки хватило бы на шестерых. Когда пришло лето, Опп закатал борта палатки вверх, чтобы свежий морской ветерок выдувал застоявшийся воздух.

Рядом жил Хэвермейер. Он жил один в двухместной палатке, любил грызть земляные орешки и каждую ночь убивал по одной мыши, всаживая в нее пулю из пистолета сорок пятого калибра, который он украл у покойника в палатке Йоссариана.

Дальше за Хэвермейером стояла палатка, которую Макуотт уже больше не делил с Клевинджером. Тот все еще не вернулся с задания, когда Йоссариан вышел из госпиталя. Вместо Клевинджера в палатке жил Нейтли, но сейчас Нейтли был в Риме, где обхаживал одну соплившую потаскушку, в которую влюбился по уши и которой изрядно надоели и ее занятие, и Нейтли с его пылкой любовью.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонементов по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
 - в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.
- Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.